Пролетарии всех стран соединяйтесь

БИБЛИОТЕКА

ТВОРИ

МИХАИЛ ВОЛКОВ

ЧЕРВЯК

РАССКАЗЫ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ПРОЛЕТКУЛЬТА

№ 2

Библиотека „Творим!“

МИХАИЛ ВОЛКОВ

ЧЕРВЯК

РАССКАЗЫ

Издание Московского Пролеткульта
1921 г.

Р. В. Ц. Печ. 3000 экз.

„Типография Т-ва „Книгоиздательство Писателей в Москве"
Москва у Троицких ворот. д. 1|16.

1921 г.

ЧЕРВЯК.

Зажился дед Назар на белом свете..

Ох, как зажился!

Давно чужой век заедает: с коих пор на базарной площади небо коптит...

Уж и площадь камнем вымощена, ряды каменные с лавками повыстроились. А город-то, во-как, и в ширь, и в даль разросся; все слободки—и Хохловка, и Живодерка, и Зареченька — улицами стали.

Ничего не видит дед, сидит на тележке, где поставит Аниска, и знай свое тянет:

— Алексе-ей-то, Божий чело-о-ве-ек...

Слеп Назар и от старости на ухо туг а ногами еле-еле володает.

Кабы не Господь да добрые люди, просто ложись живьем в гроб и помирай.

Пристала к деду приблудящая девчонка Аниска, она его и кормит, и поит, и до-ветру к какому-либо забору свезет.

И „Лазаря" подтянет, благо голос молодой, звонкий.

Где старому одному вытянуть — задыхается, далеко ли слыхать.

Подтянет Аниска, глядь, божьи богомолки и свернули—копеечка в чашку бряк:

„Помяни воина Ивана за упокой".

— За упоко-ой—орет ему в ухо Аниска.

...Да воспомянет Госпо-одь во царствии небесно-о-ем...

...Небесно-оем,—подхватит Аниска.

Тянет Аниска, а сама глазами в чашку ныряет, чуть опростоволосится дед—Аниска мигом копеечку хвать и была такова, загуляла по базару: семечки лущит или сайку жует.

Только не всегда удается — чуток старик: как звякнет копеечка, норовит поскорее схватитить и за пазуху. Шарит в чашке, а у самого руки так и трясутся:

— Жадюга!..

Коли успеет Анискину руку сцапать—берегись; больно за волосья оттреплет. На весь базар завизжит Аниска:

— У-у, жадюга!..

. . . . . .

Живет дед Назар.

Хоть и песок сыплется, но пьет, ест, шевелится,—значит, живет.

Торговка какая вдругорядь спросит:

— Де-шка, чать помирать пора.

— Ась?!

— Умирать, говорю, пора...

— Што-ты, родная, Христос с тобой... умирать... чево же лучше жисти можст быть... а ты умирать... В могиле-то успею належаться...

И закрестится.

Не видит дед Назар—как вся площадь рты поразинула: провезли под балдахином первогильдейскаго Топунова. Гроб глазетовый, венков—гора, попы с кадилами, певчие завывают.

Торговки поминают да головой покачивают:

— Эх, только бы жить да жизнью радоваться, добра через край; проживай — не проживешь, одних радужных, чай, полны сундуки набил... По смерть покойник все хапал и хапал...

— Как сейчас помню, когда на площади за ларьком торговал. Потом пошел и пошел в гору. ну-ка: в скобяном—магазин, в щепном—другой, а в красном на два раствора...

—Не будь плохо помянут.. а скуп был покойник... ох, как скуп... жил—нищий не позавидовал бы...

— Сказывают, как стриг купоны, так с ножницами у сундука „кондрашка“ и прихлоннул...

— О-ох, суета-сует.!.

* * *

Деду—лафа,—копеечки так и звякают...

Базарный день:

Площадь, как муравейник, кипит. От цветных платков, сарафанов в глазах рябит, будто лоскутное одеяло разостлано.

Шум, гам, ржанье здоровкающихся лошадей слилось в общий гул...

Владыко-создатель!..

Чего-чего тут нет: дуги гора-горой, шаечки, лоханочки чисто на праздник сосной надушились, горшки, как солдаты, повыстроились один одного чище.

А уж как торг идет:

— Малой, дай-кась энтот горшок... облитой-то...

— Нет, Матрена, бери вон тот, с разводцем... Такой горшок не зазорно и в свят Христов день на стол выставить...

— Не копайсь, тетка, товар первосортный...

— Али и впрямь с разводцем взять?..

— Бери и бери, говорю...

— Нет, дако облитой... Сколь положишь-то?

— Полтину не дорого будет...

— Полти-ину... что ты, кроста на тебе нет!..

— Запрос в карман не лезет... Какая-ж твоя цена будет?

— Двугривенный!..

— За этот горшок-то?.. Сорочишь, тетка...

— Эй, тетка, вернись... Давай четвертак...

— Монетки две скости... Не худой ли...

— Худой... Эк звон-то. звон-то малиновый.. Лучше нашего товару и не сыщешь. Век благодарить станешь...

— Кажись, родной, дребезжит...

— Глянько-сь, Матрен, трещинка?..

— Проходи... не засть товар... Не меняем, сама выбирала...

— Ах ты, Июда Скариот!..

— Горшки, горшки!..

В красном ряду пуще суматоха идет: и божье и чортово имя совсем перепутались,— каждый раз десять пожелал провалиться на „этом самом месте".

Раскраснелись, запотели молодухи и красные девки: шутка ли! аршин пять ситцу на сарафан, али ленту алую в косу выбрать.

Ситцы-то лежат яркие-преяркие, так и манят: меня возьми, меня возьми...

Поневоле задумаешься...

А как выбирают... И языком послюнявят—не линючий ли, и на свет посмотрят—не стал бы выгорать.

Мужики больш около дуг, хомутов. Те не суетятся, выбирают с толком, основательно

Товар лицом — подошел и торгуйся на здоровье.

Без торга нельзя—обычай русский такой.

. . . . . .

Трактиры гомонят.

Речь, слова узорами переплелись:

— Ну, и времена наступили!..

— Не даром звезда с хвостом по небу летала, да столбы огневые по небу ходили...

— Читари баяли, будто пред останним концом света знаменья Господни...

— Кто ее знает...

— Кажись, народу стало повольготнее, как сбросили царя... Спервоначалу хотели было землей всем миром управлять... ссбрать, значит, сходку... погуторить, погуторить и решить по совести, чтоб жить никого не обижать, да на грех волю бäре забрали... мы, мол, с вами заодно...

— Говорят, вся земля народу!..

— А вот мы суседскую барскую запахать хотели... Так куда тебе, стращают: частная собственность неприкосновенна... Как же, спрашиваем, быть?..

— Податься некуда... везде барская и барская земля... „Обождите, говорят, вот сберем подкомиссию, она собирет комиссию, потом соберется предпарламент, соберет парламент... Ну, этак через годиков сорок с гаком и земельный вопрос разрешится... Непременно получите...

— Вот оно что!..

— Они народ ученый, сразу без обсуждения не решат... Скоро только у кошек котята слепыми родятся.

— Будто морочат нас...

Загудел трактир:

— Гнать их взашеи!... Что в самом деле без них не управимся, что ли...

— Знаем их, сукиных сынов... мягко стелют, да жестко спать нашему брату приходится!..

— К примеру, за что же я руку, ногу на фронте оставил... и кровь пролил, как не за землю...

— Вооружайся, товарищи, пока совсем к рукам не прибрали!..

Все тревожнее и тревожнее идет гул...

* *

По улицам с музыкой проходят юнкера.

Народ все молодой, форсистый да чистый—еще бы, за чужой шеей сидевши, холеными не быть.

Ноги враз поднимаются и опускаются, мостовая глухо считает шаги: ать-два... Музыка играет, зовет к новой свободной жизни:

... Отречемся от старого мира...

Но понимают— выскочившие из трактира, в раздумьи взявшиеся за бороды мужики и мерекают бабы, что для господ старый мир милей:

— Вон, как сверкают штыки!..

— Захребетники!..

Вышли на площадь. Раздается команда.

— К но-ге!

Как один щелкнули: ать-два... и ружья у ноги.

Замерли.

— Вольно! Оправиться!

Зашевелились, закурили!

— Взводу охранять почту... Взводу казначейство. В случае... пустить в ход оружие...

— В ружье!

Опять заиграла музыка, заухал барабан: так, так...

. . . . . .

К базарной площади сначала неясно, потом

все слышнее и слышнее льются звуки, затем выливаются в слова:

... Вставай., проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов...

Густой толпой вваливаются на площадь рабочие, солдаты, вооружившись что под руку попало.

— Довольно, поизмывались!..

— Товарищи, занимай вот этот угловой дом... он удобен для обстрела,—командует фронтовик солдат.

Быстро исполняется команда.

— Дело общее!..

Угловой дом оживился, заговорил тысячью голосов, в окна выглянули дула винтовок.

— Попробуй, сунься!..

Насупротив из окон казначейства сердито ощетинились штыки юнкеров.

— Рвань голопузая, вот мы сейчас, как курей всех перещелкаем!..

Отвечают из углового:

— Хвалилась свинья месяц слопать!..

У юнкеров кто-то не вытерпел, в окне вспыхнул огонек, щелкнул выстрел.

Все вздрогнули.

Дымом заволокся угловой—ответили залпом.

И пошла молодецкая потеха.

... Тра-та-та...—заливаются пулеметы...

* * *

Как стая воробьев от ястреба, заметалась базарная площадь.

Пыхтят торговцы, спасая товары, иной столько прет, что и доброй лошади впору...

Жизнь жаль, а товары жальче.

Стон, давка, причитанье баб... выстрелы, свист пуль.

Вмиг опустела вся площадь, только у фонаря маячит дед Назар и тянет:

... Ты, прости-тко, прости, да наш белый свет,
Ты, ишшоко прощай да сам Христос...

А сам рукой в чашке шарит—пусто, нет подаяния,

... Тра та та...—трещат пулеметы.

Думается деду: „эко чудо, кажись, давно бы пора кончиться базару, а телеги все гремят и гремят... куда же едут"...

— Ани-иска...—кличет он.

Нет Аниски, лишь телеги все гремят и гремят.

— Экая баловень... куда же запропастилась...

Подошло деду бузло в гузле... к забору бы куда...

— Ани-иска...—плачется старый.

Все сильнее и сильнее громыхают телеги.

— Уж не конец ли свету: не архангельский ли лик с колесницы трубит...

Крестится дед:

— Мать, пресвятая Богородица сохрани и помилуй...

Маялся, маялся старый, намаялся, заснул.

* * *

Утро... На востоке засмеялось солнце и запрыгало яркими лучами по улочкам, переулочкам, выскочило и на базарную площадь.

Запечалилось веселое солнышко, закрылось облачком узорчатым:

Средь луж кроваво-дымных обнялись смертью примиренные враги.

* * *

Площадь оживает. Попрежнему торг, надувательство... От монастыря плывет звон: зовет божьих богомолочек на покаянье-молитву...

Прибежала к деду Аниска и калачик принесла.

— Ох, то-то сердешный натерпелся; почесть двое ден во рту ни макового зернышка, ни росинки не было...

Жует дед, давится.

— Дешка, а наши юнкарей разбили!..

— Ась?

— Наши победили!..—кричит Аниска.

— Дай Бог здоровья...

Не понимает старый...

Насытился и затянул:

— ... Ишша чем мати земля принаполнена,
Принаполнена земля душами грешны-ими...

. . . . . .

Живет дед Назар!..

ГОСПОДЬ СПИТ.

Райское действо.

(Лубок).

Действующие лица:

Касьян-мученик.	Антипа-мученик.
Ануфрий-пещерник.	Михайла-Архангел.
Никола-угодник.	Господь.
Илья-пророк.	Толпа святых.
Иван Богуслов.	Голоса с земли.

Райская обитель. Лубочное великолепие: молочные реки, кисельные берега, неведомые деревья, райские птицы—Сирин и Алконост. В глубине за занавеской опочивальня Господня. По сторонам облака. У занавески Михайла-Архангел с мечом сон Господень блюдет. Толпа святых ожидает пробуждения Господа—с докукой за своих молитвенников. В толпе—средь митрофорных, омофорных святителей, кольчужных воинов, черных мнихов и иных стародавних хламид,—выделяется пещерник Ануфрий, наполовину обнаженный, с бородой до земли. Порой кто-либо из святых подходит к облакам и прислушивается: не несется ли с земли к нему моленье. Касьян стоит у края облака и смотрит, что деется на земле.

Голоса с земли. [за сценой] Пода-ай, Господи...

Голоса в толпе. Шш... Господь спит.

Голоса с земли (за сценой). Преподобне Отче Ануфрие. мо ли Бога о нас...

Голоса в толпе. К кому?.. к кому?..

Касьян (небрежно). Отец Ануфрий, тебя тревожат...

Ануфрий (радостно). Меня!.. (Бежит к облакам, прислушивается, к Касьяну). Не послушаешь ли ты, Касьянушка, мне... Кто кличет-то...

Касьян... Ладно... Толко ты близко со мной не стой. Еще подумают, что дружбу с тобой лажу...

Ануфрий. Уж уважь, Касьянушка...

Касьян. Да... Подрядчик Хапалов молит.. ухнул казенные деньги... Завтра ревизия, а у него в хранилище-то одне мышиные гнезда... только на милость Господню и уповать осталось... Во всех церквах молебны с акафистами заказал... Свечу с пуд весом поставил...

Ануфрий. Говоришь, пудовую свещу!.. пойду, Господа умолю... Вели-ика милость Господня, Касьянушка... велика... „просите и дастся вам, толцыте и отверзится“...

Голоса с земли (за сценой). Великомучениче Антипе, мо-ли Бога о нас...

Голоса в толпе. К кому?.. к кому?..

Касьян. Антипе...

Антипа. Мучениче Касьяне, яви велию милость... Приклони ухо к молению моему... Неверный царище Демьянище сокруши мой слух и обкарна уши мои... (Идет к облакам).

Касьян (махнув рукой) Ну тебя... (Отходит).

Голоса с земли: (за сценой) Пода-ай, Господи...

Касьян. Ну и народец... Точно нищие, прости, Господи, мое великое прогрешенье, клянчат... Кажись, всем наказано: на Бога надейся а сам не плошай... Дан тебе разум—разумный,—трудись, пользуйся от угодий всяких... коли одному не в мочь—а артель сбейся, огулом работай... Всяк толко и норовит, кому бы на шею сесть... на грабеж идет и Господа в помощь зовет...

Антипа. Это за грошовую свещу-то... не внемлю... не внемлю... (машет руками).

Голос Ильи (за сценой). Тпру!.. Балуй... вот я тебя... (Слышно щелканье кнута).

Илья. (входит) Не проснулся Господь...

Голоса в толпе: Шш... Господь спит...

Илья (чешет в затылке) Захудаловские мужики вторую неделю с крестным ходом в поле молебны служат... Дождя просят: зерно перегорело... Сохи пропивать стали, все едино, говорят, с голодухи подыхать придется... А кого ругают... Илью ругают... Илья все виноват...

Голоса в толпе. Никола пришел.

Николай (к Ануфрию) Ты бы, старик, хоть бесстыдство какой рухлядью прикрыл. Жен и дев младых в соблазн вводишь... Здесь не в пещере кротом копаешься... на людях...

Ануфрий. Обнажены мои телеса—обнажена моя душа перед Господом.

Касьян. Откуда Бог принес?..

Никола. С земли.

Касьян. Ты в раю, словно месяц молодой,

покажешься и опять за тучку скроешься (зажимает нос). Где это тебя угораздило?.. Вся риза в навозе...

Никола. Вишь ты, дело такое вышло... Вез мужик в поле навоз—землицу-матушку удобрять... Ну, значит, везет. и везет... А воз-то возьми да и запрокинься кверху копылками... бился, бился бедный мужик и так и сяк—не тут-то было... И давай с горя-досады чертей матершиной крыть. Потом и до святых добрался. Ну, я и подвернулся...

Голоса в толпе. И смертью поразил богохульника.

Голоса в толпе. О!.. о!.. Совсем омужичился...

Никола. Господь где?..

Голоса в толпе. Шш... Господь спит.

Никола (сердито). Все спит да спит... Разбудить надо!.. Дело у меня спешное к нему...

Голоса в толпе. Чай, за мужика какого кучиться хошь...

Никола. Там жена некая молит... муж при последнем издыхании... Какое бабье дело без мужика: ни запахать, ни засеять. Поле-то пустыми осталось... Сама шестера: чем жить-то будет... Костлявая уж и косой замахнулась... Упросил малую толику обождать...

Касьян. И охота тебе, Никола, вечно с мужиками валандаться... Неужто на земле привольнее?..

Никола (восторженно). Не в пример... Злыдни там меньше... Бывает, друг дружку и за бороды повозят... Чего на миру не бывает. Придет прощеное воскресенье,—друг дружке в ноги: прости, брат, коли обидел... а здесь веками злоба с уст не сходит...

Голоса в толпе. Ты не больно... Не с мужиками...

Никола. Поду-умаешь...

Михайла Архангел. Осадите, старцы божии, назад... осадите... вас честью просят!..

Голоса в толпе. Ишь какой военачальник выискался... какже, Егорья за войну с чертями заслужил и превозносится... Еро-ой!..

Михайла Архангел. Что-то... (Толпа подалась назад от греха: от него все статься может. Идет Иван Богуслов с книгой под мышкой).

Иван Богуслов. Дети мои, любите друг друга, яко же возлюбил вас Господь.

Голоса в толпе. Подхалим... Нашел дураков!..

(За занавеской зевок. И-а... о... хо... хо...).

Голоса в толпе (умильно). Господь проснулся... Господь проснулся...

Голос Господа (за занавеской, громовой). Михайлу сюда...

(Михайла Архангел входит за занавеску, за ним нырнул и Ануфрий).

Михайла Архангел (за занавеской) Ты куда!..

Ануфрий (за занавеской). Ты за бороду-то не тяни... Не растил... Господи, избавь от окаянного.

Голос Господа (за занавеской). Оставь!.. говори... (толпа становится на колени и поет: „Хва-лите имя Господне все рабы его-о).

Голос Господа (за занавеской). Воздать сторицею... Уходите. (Из-за занавески появляется Михайла Архангел, и Ануфрий первый не утерпел чтобы слегка не двинуть Ануфрия по шее).

Михайла Архангел. У-у, сера липучая...

Ануфрий (радостно). Господь приказал послать херувима и воздать по молитве раба Божия Хапалова.

Голоса в толпе. Что мы на архирейском служении стоим, что ли...

Михайла Архангел. Не галдеть... Вам русским языком говорят: нельзя Господь опять опочил... Только на другой бок перевернулся... Осади назад!..

Илья. Захудаловские мужики кресты с иконами пропивают... Илью ругают... Илья виноват...

Никола. Помрет у жены мужик-то... сама шестера...

Голоса с земли (за сценой). Подай-ай, Господи...

Касьян (подходит к облакам). Молитесь, молитесь, православные... За Богом молитва не про-

падет... а сами сидите ручки сложивши, да скулите... и благо вам будет... Бла-аго!.. (Смеется).

Голоса в толпе... Шш... Господь спит...

ЗАНАВЕС.

ЗАКОВЫКА.

Гунявит, как нищий-слепец, великопостный звон—на карачках ползет по золотушно-весенним полям, корявыми пальцами цепляется за деревья и где-то в сумерках тихо-тихо замирает.

Церковь зазывно подмаргивает в окошко одним глазом: к нам, мол, пожалуйте: покупаем, продаем и в обмен берем.

И несет люд беремя грехов в мену на слово,—льстивое, поповское и станет на душе и в мошне так легко, легко.

Батюшка похаживает, бороду поглаживает, покхмыкивает:—Бога гневить нельзя: эк, пятаки позвякивают.

Опростал дядя Клим душу от грехов, поди, короба с два свалил, а все на душе камень лежит.

Идет-идет, да вдруг, словно лошадь зарочистая—станет, мнется на месте, в затылке поскребет и рукой отмахнется:

— ...Гм... Эка оказия...

Запала в голову какая-то загвоздка—зудит мухой назойливой, а не поймаешь...

Жил-жил, эва сколько годов отмахал: вскачь не догонишь—все как по-писаному шло: изо дня в день корпел за работой и никакая думка голову не тяготила.

А тут как-будто вдруг от слепоты прозрел: выйдет хоть бы на косьбу, кинет округ глазом:, ширь зеленой стелется, там где-то далеко-далеко земля с небом обнялась, солнышко таково-то ласково в лысину целует, из травы цветочки улыбаются и такое найдет умиленье, просто душа плывет—облачком кисейным расплывается.

Пичужка какая чирикнет--ну, что-ж, думается, особенного — слава те, Господи—за свою жизнь птичьего голосу ни весть что переслушал, а тут словно спичкой по душе чиркнет—так и загорится.

Кумекал-раскумековал дядя Клим, что за притча такая с ним сталась—да так и не раскумекал.

Дедушке Левонтию-знахарю порог обивал—поглядел дедушка в ковшик с водицей—с „самим" пошептался—притка, говорит, с ветру напущена, а снять нельзя, на крест заговорено.

Он к Егоровне, божьей богомолочке,—та с угодниками свой человек — коли не помогла сила темная, не вызволит ли сила небесная...

Пораскрыла Егоровна наугад книгу евангель-

скую—чтет стих: не подошло, кучнулась к творениям Златоуста, Лествичника: не то, и только царь Давид псалтырью истину изрек: „Дни человека, как трава, как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его"...

И говорит Егоровна таковые слова: душа тоскует перед росстанью...

И пустился дядя Клим в жизнь душеспасительную: в заутреню—заутреничает, в обедню—обедничает, нищий в окошко стукнет—кусок норовит с гаком отвалить, коль глаза залукавят—немного ли... нечистому прямо в бельмы через леворуку харкнет.

Наденет рубаху — белее снега—каемистую, с ластицами под мышками—красными, портки пестрядевые, что ручьи после дождя полосой пестреют—сядет на завалинку, нейдет-ли из-за околицы Косариха с косой: созрела былинка—на-коси.

Сосед однолеток подсядет:

— Не преставился?

— Скоро... Чую, как душа на небо рвется...

— Чай, с жистью расстаться не хотно...

— Пожито—погрешено... пора и на покаянье...

Сидят и о жизни праведной балякают...

Бабы по улице цветнеют—поравнялись:

— Дядя Клим—все еще на земле болтаешься, а мы думали—уж небо топочешь...

Ведь у бабы не язык—жало змеиное...

Першит у него в горле слово забористое, ши-

банул бы, сукиных дочерей, сплеча... да никто, как ангел в правое ухо упередил:

— Ой, спасенье не в спас пойдет!..

Молитвословит — лулавый кукишь с маслом получил.

Сыновья иной раз с укором:

— Неча лысину-то зорить, чай и помочь в работе не грех...

Экий народец, и кончине праведной завидно...

Ждет-подождет Клим, а смерть к нему нейдет...

Пора страдная в разгаре—домочаддцы все на работе.

Пригрелся на завалинке дядя Клим—поднял бороду кверху, глядит—под князьком в гнездышке детенышки-ласточки копошатся, красненькие ротики раскрывают, пищат. Вот мать прилетела—мошку сунула, чирикнула: сидите, детки, смирно, и улетела.

Как туман над полями ползет ему в голову думка:

— Вся-то с кукиш, а тоже своя забота есть, с коих пор поднялась на работу... Пяток ртов прокормить — не шутка... что ей только на эфтом свете и жизнью пользуйся—подохла и нет ничего... а мы живем—маемся-маемся, да и на том-то свете черти драть будут... Ой, и опять помыслом согришил... прости, Господи, мое согрешенье, тьфу... тьфу, сгинь, лукавый!.. Ишь ты, подвер-

нулся, врасплох захватил, вот тут и сподобься жизни праведной!...

Глядь, Тараска Авдотьин, парнишка-грамотей, с книжкой бредет: книжонка с виду так себе не казитая—закурки на две хватит—не больше...

— Дешка, чтой-то такое на книжке написано? Проле... про-ле-та ри-я... всех стран... сое-ди-няйте-ся...

— Шут-те знает что... теперь народ мудреный пошел... ни бога, ни царя знать тебе не хочет.. сами, мол, управимся...

...Д-да... а слово-то занятное... как бишь его... „Про-ле“... сразу видно, что слово-то господское—не распоясавшись, нашим дубовым языком и не выговоришь.

— „Проле...“

— Ты, малец, катись-ка к Андрону—он книжник, библию который год осиливает, кабы, говорит, до смерти успеть... большое спасенье будет...

Тараска взглянул, по заднице для прыти шлепнул и вихрем покатился к деду Андрону.

— Вот она грамота-то силища какая:—мальчонка—соску еще не забыл, а уж может знать, что на край света деется... а я прожил всю свою жизнь, словно в темн какой... Э-эх-хе...

Шастет с Тараской дед Андрон—старик кряжистый, с очками на носу... подсел на завалинку, поправил очки, взял книжку, сначала отдалил, потом к глазам поднес...

— ...Проле-та-рие всех стран соединяйтесь... Ми... что означает—доподлинно сказать тебе не смогу... а-а, это, пожалуй, как бы вроде, как на священных книгах пишут; „благословиши, Господи, венец лета твоя“... Отродясь впервой такое слово слышу... Дако-се, в книжонке померекаем, не будет-ли там разгадки...

И принялся за чтенье Андрон—все равно, что лошадь по дороге ухабистой—коли трухнуть нельзя, так шажком плетется, из колеи на слове знаковыристом выскочит — назад воротится, все же за лето-летинское до конца доплелся...

Дядя Клим слушает да ахает:

— Погодь, Андрон... Неужель—так и пропечатано: дескать, вся сила в нас самих... Ни бог, ни царь не помогут, коль сам за ум не возьмешься...

— Давай-ка еще раз побукварим—по этому месту... опять выходит: Бога-то и нет—попы для своих барышей люд морочат... Только братец мой, не возьму в толк; кто же на горе Синае Моисею гремел: „Аз Господь Бог твой“... Лико-то точно Моисей не видал, а голос слыхал... в Библии доподлинно расписано...

— Може—Моисею-то только почудилось...

Дальше-больше, и поняли Клим с Андроном, что рай на земле, а не на небе—вся сила в труде... работай и работай... весь народ, как братья, должен сбиться в работе в одну семью.

— Эх, Клим, — кабы эта книжица допрежь в

руки попалась... Сколько годов на Библию потерял...

— Д-да, Андрон, выходит все мое спасенье прахом прошло. От кого же награду получу, коли и я, как животина, подохну и капут... Истинно в книжке говорится: „Человек вечен в потомстве и в делах рук своих“... По губам попы раем мазали... на привязи держали... Понимаю, чему душа-то радовалась—проясненью ликовала...

— Так, Клим, оставить нельзя, нужно всем объявить, пускай расчухают... давай-ко все, что в книжке бается,—соорудим...

— Дельно!..

Народ мимо ходит, зубоскалит:

— Вишь, старые хрычи, как воронье к непогоде, разгалделись...

Снял рубаху смертельную дядя Клим — да в работу подался: инда коса звенит—поет.

Дивится люд—что-то подеялось.

— Аль на небе отсрочили...

Ухмыляется в бороду Клим, с Андроном перемигиваются:

— Вот ужо, дай срок, узнаете...

...Начинаем, начинаем—на-чинаем... — заманивают колокола к обедне.

Дьячек горох по полю сыплет—чтет часы.

Батюшка в алтаре просвирами орудует.

Мужиков в церкви маловато,—пока до начала—табашничают.

Старухи у кануна сродников поминают.

Девки по парням глазом стреляют, шушукаются, в рукав хихикают.

. . . . . .

Вошел дядя Клим в церковь—лба не перекрестил—прямехонько, шасть, на место поповское—проповедное.

Люд глаза таращит: обалдел старый...

—...Православные...

У дьячка аминь на языке повис—у попа просвирки на пол прыснули...

—...Так, значит, Бога нет... и николи не было... все выдумка одна... Значит, всяк сам на себя надейся... Иное дело одному невмочь, берись собча... Как это в книжке говорится: коли ты силен—лядащего не забижай... Чтобы, того, все ровняровней... Коли мне не верите, Андрон порука!..

— Что правильно, то правильно... так и в книжке пропечатано...—грянул Андрон...

Старухи отплевываются:

— Отцы родные, и другой рехнулся... Не он первой, не он последний библей-то зачитался...

Батюшка из алтаря:

— Гоните, православные, взашей осквернителей храма сего...

Сторож Масей с дьячком Антропом, как клещ-червь, впиячились в ворот Клима—да из церкви потянули, заодно и Андрона прихватили.

— Вот-те и праведники...

Молчит люд, размышляет:

— Будто и правда, а кто—е знает... Тут заковыка какая-то...

Здесь дьякон завладычил...

Руки проворно крестом замахали...

И пошла плестись паутина...

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Червяк	3
Господь спит (лубок).	13
Заковыка	20

Книги Михаила Волкова:

Червяк—рассказы Изд. Московского Пр—та.
Летропикация „ „ „
Заковыка—рассказы и сказки. Изд. Петроградского Пр—та.
Чудо — рассказ. Изд. Всерос. Ассоц. Прол. пис.
Петушок „ „ „ „ „
Новое лычко—рассказы Вятского Гос. Изд. (печатается).
Господь в гостях и др. пьесы. Изд. Моск. Пр—та (печатается).
Рассказы и сказки 1918—21 г. (готовится к печати).

Библиотека „ТВОРИ!“:

№
1. Мих. Волков—Червяк.
2. — Летропикация.
3. В. Плетнев—Золото.
4. — Андрейкино горе,
5. В. Кириллов—Железный миссия.
6. Мих. Волков—Господь в гостях (пьеса).
7. Сборник „Твори“.

Подготовляются к печати:

Стихи: А. Соколова, А. Макарова, И. Шершнева, С. Долныкова, И. Доронина, Н. Щекутьева, и др.

Рассказы: Г. Добрынина, М. Дикова, И. Сидорова, И. Смирнова, Ал. Кречетова-Волжского, и др.

Пьесы: В. Плетнева, Ф. Боровского, И. Качкурова и др.

Издания Московского Пролеткульт

Жур. „Гори“ кн. 1, 2, 3, 4, 5.
„ „Твори!“ „ 1, 2, 3, 4, 5.
„ „Гудки“ „ 1, 2, 3, 4, 5, 6.
Сборник Завод. Юнокрылый
Александровский—Север.
— Рабочий поселок.
— Восстание.
Герасимов—Завод весенний (стихи).
— Цветы под огнем (рассказ).
Полетаев—Стихи.
Вешнев—Пленные.
Плетнев—На тихом плесе.
Киселев—О штучках поповских и кулыцких.
Плетнев—Мститель, (пьеса).
Арватов—Мексиканец, „
Веригнеев—Красная правда, (пьеса).
Плетнев—Золото.
— Кара.
Волков—„Летропикация“.
— Червяк.